

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-47-62

Д.А. Цыганков

**СЕМИНАР КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ НА ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В 1860-е — НАЧАЛЕ 1870-х гг.**

D.A. Tsygankov

**THE SEMINAR AS A NEW PHENOMENON AT THE FACULTY
OF HISTORY AND PHILOLOGY OF MOSCOW UNIVERSITY
IN THE 1860s — EARLY 1870s**

Аннотация. Возникновение «семинариев» на историко-филологическом факультете Московского университета представляло собой ответ на дискуссии о реформе высшего образования в эпоху Великих реформ, когда обучение студентов в университетах было признано слишком пассивным. В это время идеологи реформ высшего образования требовали дополнить монологичные лекционные занятия письменными работами студентов, которые должны были развивать у них исследовательские навыки и служить основанием для общения с профессорами. После 1862 г., когда в течение нескольких лет за границу на стажировку были отправлены свыше ста молодых ученых по программе министра народного просвещения А.В. Головнина, новая генерация исследователей и преподавателей познакомилась с практическими занятиями в немецких университетах. Те, кто побывал за границей, стали активно использовать термин «семинарий» для обозначения нового вида практических занятий. К середине 1860-х гг. в Московском университете появляются семинарии как учебные подразделения филологов для подготовки гимназических учителей классических языков, а также семинарий (семинар) — вид практических занятий для историков, целью которых являлось написание исследовательских работ. У истоков филологических семинариев в Московском университете стоял филолог П.М. Леонтьев, развивавший те формы занятий на факультете, которые практиковал еще С.П. Шевырев в 1850-е гг. Семинарий же

Цыганков Дмитрий Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Tsygankov Dmitriy Andreevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsdm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3005-503X

как новую форму исследовательской активности для историков создал В.И. Герье, который считал важным, чтобы выбравшие специализацию по истории студенты писали письменные работы по этой дисциплине. В отличие от филологической семинарии, за работу в которой студенты получали стипендии, участие в исторических семинариях было личной инициативой студентов. Дальнейшее развитие новой формы занятий было связано с попытками разделения историко-филологического факультета по двум специализациям — филологии и истории. Официально семинарии историков стали частью учебного плана факультета лишь после принятия устава 1884 г.

Ключевые слова: разделение историко-филологического факультета, историческое образование, письменные работы для историков, специализация студентов, учебный план, В.И. Герье.

Abstract. The emergence of seminars at the Faculty of History and Philology at Moscow University was a response to discussions of higher education reform in the era of the Great Reforms, when the education of students at universities was found too passive. At this time, ideologues of higher education reform demanded that monologue lectures be supplemented with written students' papers, which should develop their research skills and serve as a basis for communication with their professors. After 1862, when over a hundred young scholars were sent abroad for several years under the program of Minister of Public Instruction A.V. Golovnin, a new generation of researchers and teachers was introduced to practical studies at German universities. Those who had been abroad started to actively use the term seminar to refer to a new kind of practical training. By the mid-1860s, seminars appeared at Moscow University as teaching units for philologists to train grammar school teachers of classical languages, and as a type of practical classes for historians, the purpose of which was to write research papers. Philologist P.M. Leontiev was one of the originators of philological seminars at Moscow University. He developed such forms of classes at the faculty as were practiced by S.P. Shevryev in the 1850s, while V.I. Guerrier established the seminar as a new form of research activity for historians. It was important for him that students who chose to major in history should write papers on this discipline. While students received scholarships for their work in the philological seminars, participation in historical seminars was their personal initiative. Further development of the new form of classes was associated with attempts to divide the Faculty of History and Philology into two specializations. Officially, historians' seminars became part of the faculty's curriculum only after implementation of the charter of 1884.

Keywords: division of the Faculty of History and Philology, historical education, written works for historians, specialization of students, curriculum, V.I. Guerrier.

* * *

Одним из вопросов, обсуждаемых во время подготовки университетского устава 1863 г., стала проблема нового вида занятий для студентов, который позволял бы им более активно участвовать

в учебном процессе¹. Подбирая обозначение для новаторских форм занятий, авторы использовали разные термины. Так, Н.И. Пирогов в «Письмах из Гейдельберга» говорил о лекциях-беседах², а К.Д. Кавелин делил университетские лекции на общие и монографические³.

Использование термина «семинарий» для обозначения новой формы занятий в университете вошло в обиход благодаря русским ученым, посланными с научными целями за границу по распоряжению министра народного просвещения А.В. Головнина⁴. В своих отчетах молодые русские ученые стали использовать, термины «семинарий», «семинария», «семинар».

О «семинариях», похожих на педагогические институты⁵ более ранней эпохи или на научные общества, писали в основном филологи. В.И. Модестов указывал, что в Берлине филолог Р. Гаупт читает Горация и Тацита в “*Seminarium paedagogicum*”⁶. В Бонне же Модестов собирался «записаться в филологическую и археологическую семинарии, равно как в эпиграфическое общество Ф. Ричля и филологическое Шмидта»⁷. Л.Н. Модзалевский обобщал «отзывы о посещенных... семинариях гг. Стерна и Боден-Миллера, а равно и собранные мною сведения о учительских собраниях и обществах в Германии»⁸.

В это же время похожие педагогические институты стали создаваться и для подготовки историков. Как свидетельствует А.Г. Брикнер, «государственные семинарии» для подготовки историков по-

¹ См.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Она же.* Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX в. М., 1993; *Она же.* Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998.

² *Пирогов Н.И.* Письма из Гейдельберга // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985. С. 397–398.

³ *Кавелин К.Д.* Свобода преподавания и учения в Германии // Университетская идея в российской империи XVIII — начала XX веков. Антология. М., 2011. С. 243.

⁴ *Трохимовский А.Ю.* Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856–1881 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 67–76; *Свейников А.В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX — начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 849–887.

⁵ *Змеев В.А.* Педагогический институт Императорского Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138–144.

⁶ Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1. СПб, 1863. С. 18.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 79.

явились в Мюнхене, Бреславле, Бонне, Кенигсберге⁹. Важную роль в создании семинарии в Мюнхене играл сначала профессор Г. Зибель, а затем профессор В. Гизебрехт, ставший ее главой. Директор мюнхенской исторической семинарии назначался королем и руководил работой двух отделений семинарии (ученое и педагогическое), занятия которых проходили один раз в неделю. В ученом отделении состояло небольшое количество слушателей (не более 10 человек), его члены писали одно сочинение в полугодие. В педагогическом отделении число участников не ограничивалось, здесь заслушивались письменные или устные ответы по истории, географии и литературе участников собраний. За лучшее сочинение, написанное в семинарии, выдавалась премия в размере двухсот гульденов. Задачами семинарии ее учредители считали разработку методики преподавания истории (ученое отделение) и приготовление гимназических учителей истории.

Сходное устройство было у исторической семинарии в Бреславле, которой руководили два директора (Р. Репелль и Юнгман). В Бонне руководство семинарией делили три профессора: Г. Зибель, А. Шефер и В. Кампшulte. В Бреславле и Мюнхене студенты (представители педагогического отделения) для отчета читали лекцию перед аудиторией с кафедры. Задачей было показать не научные знания, а педагогические навыки: правильно сгруппировать факты, хорошо выстроить рассказ. Излагать материал было необходимо по памяти. При такой организации работы профессор Юнгман отказывался помогать студентами в научном поиске темы, часто просил экспромтом прочесть лекцию в отсутствие запланированного докладчика¹⁰.

Заседания педагогических семинариев, как правило, происходили в одной из университетских аудиторий, в то время как научных — иногда на квартире у профессоров. Впрочем, были похожие семинарии профессоров и в университете. Обычная продолжительность университетских педагогических семинариев составляла 2 часа.

Кроме семинариев как особых институций для подготовки гимназических учителей, стажеры-историки писали в своих отчетах и о новой форме практических занятий со студентами. Так, В.Г. Васильевский, например, сообщал о них следующее: «Кроме лекций, Дройзен, Яффе, Кёпке занимаются с своими слушателями исторической критикой, называя это скромнее и вернее упражнениями (übungen). Моммсен на этот раз также обещал взять на себя труд руководить “упражнениями” в римской истории. И для меня соб-

⁹ Брикнер А. О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // Журнал Министерства народного просвещения . 1870. Ч. СХLII. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 153.

ственно критические упражнения только и могут быть вполне полезны в области римской истории. По моему мнению, нужно быть предварительно знакомым с первыми источниками, свободно двигаться в них, чтобы неспроста и совершенно полезно, по указаниям профессора, приискивать и сличать различные места, чтобы самому “упражняться”. Теперь я только принимаю участие в этого рода занятиях Яффе¹¹. В прошедший семестр он читал о латинской палеографии и дипломатике. Его теперешние *Übungen* — приложение читанного курса. С этой целью Яффе издал сорок грамот из времен IX–XII веков, и теперь занимается дипломатическим и палеографическим разбором их¹². Этот же вид занятий Иван Хорошевский называл «историческая семинария»: «Там некоторые профессора, кроме общих курсов для всех слушателей, имеют еще для желающих посвятить себя специально истории особенные практические курсы, состоящие в разработке какого либо исторического события, по источникам, профессором вместе с его учениками (историческая семинария)»¹³.

Практические занятия немецких профессоров стали постепенно вноситься в официальное расписание занятий. Брикнер свидетельствовал: о семинариях «прежде лишь весьма редко объявлялось в расписании лекций, тогда как теперь профессора и доценты большей частью в начале семестра объявляют о своем намерении заниматься специально с желающими из студентов»¹⁴. В результате, если раньше в некоторые немецкие университеты приезжали, чтобы слушать лекции того или иного профессора, то начиная с 1860-х гг. — для участия в семинаре профессора. Так, лекции Вайца не интересны, отмечает Брикнер, но его *übungen* пользуются популярностью. Как следствие, специально на эти семинары на несколько семестров в Бонн приезжают желающие «и затем с гордостью называют себя учениками Вайца или представителями школы Ранке (Вайц — ученик Ранке)»¹⁵. Брикнер отмечает, что для обозначения новых практических занятий в расписаниях университетов Германии используются разные термины: *Practica*, *Historische Gesellschaften*, *Übungen*, *Conversatorien*, *Disputatorien*.

¹¹ Чуть ранее Васильевский дает характеристики Яффе: «Яффе принадлежит к тому числу неблестящих, но в высшей степени полезных профессоров университета, которые читают или чаще диктуют свои лекции человеку 5–15. Он всегда избирает такие специальные курсы: о палеографии латинской, хронологии и читает (диктуя) их весьма основательно» (Извлечения из отчетов... Ч. 2. СПб., 1863. С. 136).

¹² Извлечения из отчетов ... Ч. 2. С. 136.

¹³ Извлечения из отчетов ... Ч. 1. С. 60.

¹⁴ Брикнер А. Указ. соч. С. 149.

¹⁵ Там же.

Брикнер пытался типологизировать эти дополнительные занятия. От Ранке идет традиция критического изучения немецких летописей. На занятиях читали легкодоступные издания (Эйнхард, Оттон Фрейзингенский). Участники практического занятия переводили тексты с латыни, профессор комментировал перевод и объяснял студентам трудные места. Занятия по такой схеме проводили многие немецкие профессора: Г. Вайц — в Геттингене, Э. Винкельманн — в Берне, Р. Репелль — в Бреславле, Г. Перц — в Грайфсвальде, Э. Дюммлер — в Галле, В. Мауренбрехер — в Кенигсберге, В. Гизебрехт — в Мюнхене, Т. Линднер — в Бреславле¹⁶. К безусловным плюсам такого вида занятий Брикнер относил доступность источников, отсутствие необходимости в больших библиотеках. Именно на таких практических занятиях, по мнению самих немецких профессоров, проявлялась высокая квалификация научного руководителя. В центр изучения большинства немецких исторических семинариев была поставлена средневековая история Германии. Так, профессор Д. Брандес считал «необходимым ограничиваться изучением в семинарии лишь средневековой истории, ибо таким образом может сохраниться чисто научный характер таковых занятий и что критический разбор таких вопросов, в которых идет речь о новых государственных и общественных организмах, может быть предоставлен исключительно только вполне зрелому мужескому обществу»¹⁷.

По мнению немецких профессоров, для занятий новой историей сложно было найти необходимую новейшую литературу, а архивы для исследования современных процессов закрыты. Однако в немецких университетах все же появлялись семинары по французской революции (Ад. Шмит в Йене), отдельным событиям новой истории (Варфоломеевская ночь) и войнам XIX в. (профессор лейпцигского университета Г. Вутке), тридцатилетней войне. По мнению Брикнера, из 100 профессоров и доцентов в университетах Германии и Швейцарии 60% не довольствовались чтением лекций и вели семинарские занятия¹⁸.

Таким образом, молодые историки, посетившие немецкие университеты в 1860-е гг., имели опыт наблюдения и участия в новых типах занятий. Полученные знания они попытались перенести на русскую почву. Уже в 1860-е гг. в Московском университете существовали «семинарии», как они назывались в делопроизводстве. Так, в «Отчете о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866/67 учебный год» мы видим упоминание

¹⁶ Брикнер А. Указ. соч. С. 161.

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 167–168.

семинария профессора П.М. Леонтьева: «Для занятий, имеющих главную целью упражнения в самостоятельном разрешении разных филологических задач и учрежден при историко-филологическом факультете греко-латинский семинарий, порученный ординарному профессору Леонтьеву. В число членов семинария принимаются на основании конкурса или испытания достойные того студенты 2-го, 3-го и 4-го курсов. Членам семинарии производятся стипендии по 120 рублей в год»¹⁹. В том же году были опубликованы правила вступления в семинарий²⁰.

Понятно, что в данном случае речь шла о студентах факультета, уже показавших определенные успехи в чтении и комментировании источников (напомним, что по традиции на младших курсах писалась работа по русской словесности). За свои исследования они поощрялись стипендией и имели возможность готовиться к написанию филологических работ (вполне возможно, что речь идет о написании медальных сочинений). При этом семинарий Леонтьева — это особая форма занятий, стимулирующее в университете появление филологов-классиков, которые затем направлялись учителями в гимназии. Такой тип занятий, видимо, нельзя считать переносом на русскую почву критических упражнений в духе Ранке, Яффе, Кёпке.

Другой характер носили дополнительные занятия профессора В.И. Герье. Объясняя появление новых по форме занятий в Московском университете, Герье в воспоминаниях особо выделяет семинарий Кепке, который запомнился ему в Германии «более всего»²¹. Этот семинарий — и это стоит особо подчеркнуть — проходил у профессора дома, где он сам и его ученики упражнялись в чтении и комментировании одного источника — Лиутпранда, сидя за общим столом.

Семинар Герье, начавший работу, вероятнее всего, уже в 1866 г., занимает особое место в ряду дополнительных практических занятий профессоров Московского университета середины XIX в. История

¹⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866 год. М., 1867. С. 20

²⁰ Московские университетские известия. 1866–1867. № 2. С. 387–388.

²¹ *Герье В.И.* Мои воспоминания // Terra Europa: сообщество московских всеобщих историков второй половины XIX века. М., 2014. С. 191. А.В. Антощенко считает, что кроме семинара Кепке Герье хорошо был знаком и с системой Ранке (*Антощенко А.В.* Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009. С. 269). Но, может быть, Герье хотел именно подчеркнуть разницу между двумя виденными семинариями: учебным — в официальном университетском пространстве, и исследовательским — на дому у профессора.

его становления была длительной²². Первоначально семинарий Герье составлял конкуренцию семинарию — университетскому подразделению Леонтьева. Правда, в отличие от филологов студентам-историкам за участие в семинарии стипендию не платили, а потому они порой вели себя в нем вызывающе, не желая терпеть лишнюю нагрузку. Так, студент И. Лебедев, привыкший пассивно слушать лекции, на предложение доцента Герье во время семинарского занятия, для которого Герье подготовил хрестоматию²³, почитать и перевести источник, ответил: «А я не желаю». «А Вы пожелайте», — нашелся Герье²⁴.

В отчете университета за 1869/70 учебный год о семинариях исторического факультета сообщалось следующее: «На историко-филологическом факультете по самому существу филологических занятий студенты работали под личным руководством преподавателей; на первых двух курсах студенты обязаны были написать по одному годовому сочинению по предмету русской словесности; такого же рода письменные работы продолжались на всех курсах по предметам классической филологии; к этим работам присоединялись еще занятия студентов в филологической и исторической семинарии и писание сочинения по конкурсу на получение установленных премий и медалей. Кроме того, по всем предметам факультетского преподавания существуют семинарии, в которых студенты частью представляли на обсуждение преподавателей и товарищей результаты своих домашних изучений какого-нибудь вопроса, частью упражнялись в объяснении отдельных исторических памятников и в обсуждении различных научных и педагогических вопросов»²⁵.

В 1872 г., когда был принят учебный план для подготовки историков со специализацией после 3-го курса²⁶, Герье создал семинарий для пишущих работы по истории. В 1870-е гг. он делил свои семинарии, исходя из опыта посещения студентами такого вида занятий: студенты, первый год участвующие в работе семинара; студенты, второй год участвующие в работе семинара; студенты, третий год участвующие в работе семинара. Все эти семинары были необяза-

²² Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

²³ Материалы хрестоматии печатались более года на страницах Московских университетских известий.

²⁴ Герье В.И. Указ. соч. С. 203.

²⁵ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1870 год. М., 1871. С. 18.

²⁶ Об истории разделения см.: ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 3951.

тельными. По ним не было форм отчетности в течение семестра или года. Де юре в учебный план семинары вошли лишь после введения в действие устава 1884 г., когда для получения зачета шестого семестра (с 1882 г. специализация по истории начиналась с третьего курса, следовательно, для перехода на последний курс специализации нужно было получить зачет за письменную работу), студенты должны были написать письменные работы в семинаре.

До введения в действие учебных планов по уставу 1884 г., если студенты отказывались посещать семинарий по своей специализации, то они подвергались дополнительным письменным испытаниям во время экзамена по тому предмету, практические занятия которого они не посещали²⁷.

Таким образом, идея семинаров стоит в тесной связи с вопросом о письменных работах для студентов историко-филологического факультета (частично регулировались Правилами студентов). Прежде всего — для историков, у которых до введения в действие устава 1863 г. не предусматривалось обязательных письменных работ во время обучения. Сам Герье еще на младших курсах получил медали за филологические работы, написанные у П.М. Леонтьева, а потому был освобожден от написания кандидатского сочинения. Фактически его первой крупной исторической работой стала магистерская диссертация. В воспоминаниях Герье не упоминает о своих работах в годы студенчества, написанных по заданию профессоров-историков. Пользуясь преимуществом близкого знакомства со студентами во время написания письменных работ, филологи предлагали студентам специализацию по своим дисциплинам и критически относились к историческим исследованиям. Так, Леонтьев пригласил студента Герье, который был сиротой, жить на его квартире и участвовать в его научном проекте. Выбор Герье специализации по истории Леонтьева разочаровал. Если же студенты-историки не имели медалей во время обучения (темой медальных сочинений могли быть и вопросы по филологии, и вопросы по истории), то они должны были писать кандидатскую диссертацию, на это отводилось шесть месяцев после окончания университета²⁸.

Итак, долгое время в университете одной из немногих форм научной работы студентов было участие в написании медальных сочинений, что было оговорено в университетских уставах, а также подготовка кандидатской диссертации для получения соответствующей

²⁷ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета в 1874/75 академическом и 1875 гражданском году. М., 1876. С. 17.

²⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1864. Стб. 636–642.

степени. Написание работ по заданию преподавателей было скорее данью местной традиции, формой репетиций лекций, которые, как правило, устраивались в период действия устава 1835 г. (этой проблеме уделяли пристальное внимание Отчеты Московского университета за 1830–1840-е гг.). Так, С.П. Шевырев (в 1840–1850-е гг.)²⁹ и М.П. Погодин (в 1840-е гг.) на собственных лекциях устраивали чтение студенческих сочинений с их разбором. Однако репетиции на лекциях иной раз вызывали недовольство университетской бюрократии, поскольку сокращали время на прохождение курса, делали его неполным.

Студенты сами стремились восполнить этот недостаток письменных работ, если чувствовали в этом необходимость³⁰. Так, имелась возможность участия в университетских научных обществах, в которых студенты делали доклады. Эти доклады могли публиковаться в ученых записках университета и близких к университетской среде журналах. Долгое время таким обществом в Московском университете было Общество любителей российской словесности. В конце 1820-х гг. М.Т. Каченовский открыл студентам для публикации сначала свой журнал «Вестник Европы», а затем — «Ученые записки Московского университета», что вызвало всплеск интереса к историческим штудиям. Однако планомерной такая работа студентов-историков стала лишь в середине XIX в.

Устав 1835 г. предлагал поощрять лучшие письменные работы студентов, однако не определял причины, по каким они должны быть написаны. При подготовке университетского устава 1863 г. вопрос о письменных работах студентов был поставлен в контексте обсуждения проблемы моноличности лекций и пассивности студентов во время обучения в университете, но никаких практических шагов для решения проблемы предпринято не было³¹.

Однако уже во второй половине 1860-х гг. министерство требовало от университетов «усиления работы» со студентами. Традиционно в рамках изучения правительственной политики в области образования эта инициатива оценивается не очень высоко. Якобы министерская бюрократия, увеличивая количество университет-

²⁹ О роли С. П. Шевырева в формировании практики взаимоотношений профессор и студентов см.: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 17–19.

³⁰ *Посохов С.И.* Организация научной работы студентов в университетах российской империи: проблемы историографии // *Российские университеты в XVIII — начале XX века: сборник научных статей.* Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 189–198.

³¹ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862.

ских занятий, стремилась «отвлечь» студентов от занятий политической, а затем — не допустить их выход на улицы с политическими требованиями. Тем не менее следует признать, что с точки зрения учебного процесса при введении семинарских занятий произошли серьезные изменения. Одним из них стало увеличение количества письменных работ, которые должны были подготавливать студенты, прежде всего — студенты-историки историко-филологического факультета³².

В 1869 г. министерство инициировало дискуссию о семинарах и письменных работах студентов на страницах «Журнала министерства народного просвещения». Немецкому профессору И.Г. Дройзену была заказана статья, в которой он связал появление практических занятий в университете с национальной моделью университетов в Германии. Дройзен указывал, что со времен Реформации гимназии в Германии приглашали учителей из выпускников богословских факультетов университетов. В эпоху Просвещения «явилось сознание, что юные богословы, для того чтобы стать в уровень с возвысившимися требованиями от преподавателей в ученых школах, нуждаются в более значительной научной подготовке, чем та, которую могли дать им их богословские занятия»³³. Именно поэтому в некоторых университетах стали заводить для образования хороших учителей семинарии — «учреждения, которые имели целью не только подготовить молодых людей к преподаванию путем методических и педагогических упражнений, но и глубже ввести их в область науки, как то оказывалось необходимым вследствие более высоких требований от учительской должности». В этих семинариях главным были не лекции профессоров, а практические упражнения обучающихся. Из них самым лучшим признавалось самостоятельное исследование. Семинарии при университетах были основаны прежде всего для классической филологии, но постепенно ученые всех наук обратили внимание на этот вид занятий. В университетах начались математические и исторические «упражнения», «и здесь еще более выступило на первый план чисто научное их направление»³⁴.

Семинарскую форму обучения Дройзен считал достижением именно немецких университетов. Английские университеты не приняли эту идею, и обучение в них происходило без семинаров. Фран-

³² Жарова Е.Ю. Контроль над занятиями студентов в университетах Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 92–105.

³³ Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в Германских университетах, преимущественно по истории // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXLV. 1869. С. 80.

³⁴ Там же. С. 81.

цузы доводили внешнюю форму лекции до изящества, но не давали навыков исследовательской работы студентам. Как следствие, французские студенты не ценили достижений науки. Семинары немецких университетов, по Дройзену, имели воспитательное значение. Ведь только настоящая самостоятельная работа позволяет студенту понять, как он «далеко стоит от тех целей, которых должен достигнуть», а «подлежа сам в своих трудах приговору других, он становится скромнее в собственных своих суждениях о чужих трудах и строже в своих требованиях к самому себе»³⁵. Кроме того, занятия в семинарах заставляют студента по-иному участвовать в научной работе. На семинарах он не пассивно слушает профессора, а вместе с ним ищет ответы на те вопросы, с которыми он встретился в собственной исследовательской практике. С другой стороны, Дройзен полагал, что и профессор под влиянием бесед со студентами на семинарах меняет содержание лекций, совершенствуется.

Впрочем, главная задача семинара не воспитательная, утверждал Дройзен, а научная: студенты должны «научиться научно работать». В своей статье он предлагает собственный план соединения лекций и семинаров по историческим дисциплинам. Преподавание Дройзен предлагает начинать с университетских исторических курсов по политической истории (он отвергает чтение философских и пропедевтических курсов по истории в начале обучения, поскольку считает, что энциклопедия истории — это курс, который должен читаться выпускникам). В семинарах в это время нужно заниматься «упражнениями в критике писателей-источников»: как относится Ливий к Полибию, Диодор к Эфору, из каких древнейших источников заимствовали сведения Иорнанд о готах и т.п. При таких упражнениях необходимо внимательное чтение источников. При чтении, в котором важную роль играет экзегеза текстов на латыни и греческом, профессор будет задавать студентам небольшие задачи для самостоятельной обработки (например, признаки подражания Эйнхарда Светонию).

Следующая ступень семинаров — изучение исторических актов. При исследовании этих проблем нужно уходить от вопросов древней истории, поскольку изучение древних надписей имеет характер больше «филолого-археологический», а исследования Ассирии, Вавилонии и Египта требует навыков и умений, каких еще нет у студентов. Поэтому сложные вопросы древней истории нужно проходить на лекциях, «при том так, чтобы слушатели получили ясное представление о медленно подвигающейся вперед научной

³⁵ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 83.

работе и в высшей степени отрывочных результатах, к которым она приводит»³⁶. Одновременно с семинарами второго уровня должны идти лекции по палеографии, дипломатике и хронологии. Главная задача в дипломатических семинарах — научить студента извлекать из сухого источника нужную ему историческую информацию.

Наконец, последняя ступень практических упражнений должна показать значение истории в кругу других наук и подчеркнуть воспитательные функции истории для практической жизни. Поэтому в последние семестры читаются курсы по методологии и энциклопедии истории. На практических занятиях избираются источники последних столетий: «Здесь полнота имеющихся под рукою материалов, разнообразие воззрений, непосредственное влияние которых повсюду ясно и раскрывается в бесчисленных прениях, все этот тотчас же расширяет круг зрения и обращает внимание изучающего на предметную сторону дела»³⁷. На этой стадии разрешение существенных вопросов должно преобладать над чисто технической критикой (Дройзен именно этим отличает историка от филолога), студенты должны думать над историей Петра I, Людовика XIV, Екатерины II, Наполеона I. Задачи, которые студент будет разрешать в своих письменных работах, приведут молодое поколение ко всем современным политическим проблемам. «Путем этих упражнений молодой исследователь придет к сознанию, как многообразны отношения, заключающиеся в каждом отдельном историческом моменте, и как необходимо освоиться со многими и многими науками в виду того, что все другие науки при случае становятся вспомогательными науками для историка»³⁸.

Рассматривает Дройзен и вопрос о том, как государство может помочь развитию нового типа занятий в университетах. Его советы иной раз оригинальны. По мнению Дройзена, государство должно искать прежде всего сильных профессоров, которые смогут организовать занятия нового типа. Конечно, утверждает немецкий ученый, можно попытаться стимулировать работу студентов стипендиями, что будет, конечно, им помогать находить мотивацию. Но такой подход не создаст у студентов научного императива. Дройзен призывает развивать инфраструктуру семинара. Учреждать при нем библиотеку, покупать необходимые палеографические аппараты. На эти цели он считает возможным даже учреждать членские взносы с посторонних лиц, желающих участвовать в работе семинара.

³⁶ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 83.

³⁷ Там же. С. 88.

³⁸ Там же. С. 90.

Публикация статьи Дройзена вызвала отклики русских ученых. Интересно отметить, что немецкому историку печатно отвечали прежде всего филологи. Так, с возражениями поспешил профессор Санкт-Петербургского университета И.И. Срезневский. В его статье чувствуется негодование. Во-первых, автор пытался доказать, что традиция письменных работ в русских университетах существует не менее сорока лет, т.е. примерно столько же, сколько и немецкие семинары. Во-вторых, что органически сложившаяся программа историко-филологических факультетов в России больше соответствует развитию личности, чем опыт немецких университетов, поскольку не включает в себя никаких политических целей, что он почувствовал в плане Дройзена. В-третьих, Срезневский упрекал Дройзена в том, что он, противопоставляя историю как предмет преподавания филологии, дает мало идей относительно развития занятий по русской истории³⁹.

В центре дискуссии таким образом оказался вопрос о том, что лежит в основе обучения на историко-филологическом факультете. Срезневский отстаивал идею, что такой основой должна быть энциклопедическая полнота суммы филологических и исторических знаний, которая обеспечивается общими курсами. Дройзен высказывался против общих курсов факультета, предлагая увязать специальные курсы историков с семинарами, вводимыми для усиления исследовательской работы студентов. Фактически немецкий профессор высказывался за разделение подготовки историков и филологов. Позиция Срезневского весьма характерна для филологов российских университетов, которые видели в идее введения семинара первый шаг к разделению историко-филологического факультета и активно ей сопротивлялись. Напомним, что по уставу 1863 г. именно филологические кафедры преобладали над историческими на факультете, а профессора-филологи выступали против разделения учебных планов факультета на отдельные для филологов и историков. Безуспешно ставившие этот вопрос еще в 1860-е гг.⁴⁰ историки Московского университета добились разделения факультета на отделения лишь к 1872 г.

Итак, в обсуждении проблемы «семинариев» на историко-филологическом факультете, поставленной в 1860–1870-е гг., участвовали

³⁹ Срезневский И.И. О научных упражнениях студентов // ЖМНП. Ч. CXLVI. СПб., 1869. С. 247–265.

⁴⁰ См., например, обсуждение вопроса на заседании Совета Московского университета от 6 июня 1868 г. с предложением разделить факультет на три потока после 2-го курса: Московские университетские известия. 1868. № 8. С. 455–456. Филологи настояли на том, что разделение возможно только по утверждению министра и отложили решение вопроса.

несколько субъектов университетской жизни. Министерская бюрократия и профессора-филологи выступали за создание внутри университетов особых подразделений для подготовки гимназических учителей (прежде всего древних языков). Эти подразделения назывались «семинариями». В.И. Герье и профессора-историки пошли по пути тех немецких профессоров, например, Дройзена, которые считали, что специальные письменные работы формируют профессиональные навыки именно историков, выделяют историю из круга филологических и юридических дисциплин. Это был один из первых шагов, который фактически привел к разделению учебных планов историков и филологов в рамках историко-филологического факультета⁴¹. Историки формировали семинары (термины «семинарий» и «семинар» использовались как равнозначные) как новый вид занятий в университете. Семинары в этом проекте историков были местом исследования⁴².

References

Antoshchenko A.V. *Das Seminar: nemetskiye korni i russkaya krona (o primeneniі nemetskoy opyta "seminariyev" moskovskimi professorami vo vtoroy polovine XIX v.)* [Das Seminar: German Roots and Russian Crown (On the Introduction of German Seminars by Moscow Professors in the Second Half of the 19th Century)] // "Byt' russkim po dukhu i yevropeytsem po obrazovaniyu". *Universitety Rossiyskoy imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy XVIII — nachala XX v.* ["To Be Russian in Spirit and European in Education". Universities of the Russian Empire in the Educational Space of Central and Eastern Europe from the 18th through Early 20th Century] / Comp. by A. Yu. Andreev; series editor A.V. Doronin. Moscow: ROSSPEN, 2009. P. 263–278.

Antoshchenko A.V, Sveshnikov A.V. *Istoricheskiy seminariy kak mesto znaniya* [Historical Seminars as a Place of Knowledge] // *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovaniye predstavleniy o proshlom: kolektivnaya monografiya v chest' professora I.M. Savelyeyev* [Historical Culture of Imperial Russia: The Development of Ideas about the Past: Collective Monograph in Honor of Professor I.M. Savelyeva] / Ed. by A.N. Dmitriev. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. P. 138–160.

Chesnokov V.I. *Dvizheniye za "razdeleniye istoriko-filologicheskogo fakul'teta" i nachalo spetsializatsii universitetskogo istoricheskogo obrazovaniya v 50–70-kh godakh XIX veka* [Movement for "Division of the Faculty of History and Philology" and the Beginning of Specialization of the University Education in History in the

⁴¹ Chesnokov V.I. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50–70-х годах XIX века // *Российские университеты в XIX — начале XX века: сборник научных статей*. Воронеж, 1993. С. 70–88

⁴² Цыганков Д.А. Семинар как место исследования // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2014. № 4. С. 117–132.

1850–1870s] // *Rossiyskiye universitety v XVIII — nachale XX veka: sbornik nauchnykh statey* [Russian Universities from the 18th through Early 20th Century: Collection of Articles]. Issue 6. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 2002. P. 70–88.

Eymontova R.G. *Idei prosveshcheniya v obnovlyayushcheysya Rossii: (50–60-ye gg. XIX v.)* [Ideas of Enlightenment in Renewing Russia (1850–1860s)]. Moscow: IRI RAN, 1998. 405 p.

Eymontova R.G. *Russkiye universitety na grani dvukh epokh: ot Rossii krepostnoy k Rossii kapitalisticheskoy* [Russian Universities on the Threshold of Two Epochs: From Russia of Serfdom to Capitalist Russia]. Moscow: Nauka, 1985. 350 p.

Eymontova R.G. *Russkiye universitety na putyakh reformy: shestidesyatytye gody XIX v.* [Russian Universities on the Way of Reform: 1860s]. Moscow: Nauka, 1993. 270 p.

Posokhov S.I. *Organizatsiya nauchnoy raboty studentov v universitetakh Rossiyskoy imperii: problemy istoriografii* [Organization of Scholarly Work of Students in Universities of the Russian Empire: Issues of Historiography] // *Rossiyskiye universitety v XVIII — nachale XX veka: sbornik nauchnykh statey* [Russian Universities from the 18th through Early 20th Century: Collection of Articles]. Issue 6. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 2002. P. 189–198.

Sveshnikov A.V. *Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Governmental Policy in the Sphere of Foreign Business Trips of Russian Scholars in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-ye gody)* [The Schedule of Changes. Essays on the History of Education and Science Policy in the Russian Empire and the USSR (Late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. P. 849–887.

Trokhimovskiy A. Yu. *Politika Ministerstva narodnogo prosveshcheniya po podgotovke molodykh uchenykh za granitsej. 1856–1881 gg.* [Policy of the Ministry of Popular Instruction for Educating Young Scholars Abroad. 1856–1881] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2007. N 1. P. 67–76.

Tsygankov D.A. *Seminar kak mesto issledovaniya* [Seminar as a Place of Research] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series 2. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2014. N 4. P. 117–132.

Vorob'yeva I.G. *Professor-slavist Nil Aleksandrovich Popov* [Slavist Professor in Slavic Studies Nil Aleksandrovich Popov]. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 1999. 191 p.

Zharova E. Yu. *Kontrol' nad zanyatiyami studentov v universitetakh Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka* [Control over Students' Studies at Universities of the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2018. N 1. P. 92–105.

Zmeev V.A. *Pedagogicheskiy institut Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Pedagogical Institute of the Imperial Moscow University] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 20. *Pedagogicheskoye obrazovaniye*. 2009. N 1. P. 138–144.

Поступила в редакцию
18 октября 2022 г.